

V

ПЕРЕМИРИЕ С АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ

(28 октября—6 ноября 1918 г.)

Нижеприведенные заметки относятся к периоду от 28 октября по 6 ноября 1918 г., т. е. к периоду междусоюзнической конференции в Париже, где были установлены условия перемирия с Австро-Венгрией и Германией. Приводим главным образом ту часть записей, которая относится к перемирию с Австро-Венгрией.

Нижеизложенное находится в точном соответствии с содержанием официальных и официозных протоколов заседаний, отредактированных для высших военных советов междусоюзническим секретариатом Совета, для заседаний премьер-министров секретарями отдельных делегаций, главным образом сэром Морисом Хэнки от английской делегации и мною—от итальянской. В большей их части протоколы эти до настоящего времени не были изданы.

На основании этих заметок можно установить два обстоятельства:

1. Перемирие с Австро-Венгрией, которому уделено мало внимания в иностранных печатных изданиях, касающихся окончания войны, имело гораздо большее значение, чем это многим было известно или желательно было представить. Так, например, скрывшийся под псевдонимом «Mermeix» автор книги «*Les négociations secrètes et les quatre armistices*» (Paris 1921) несомненно имел перед глазами вышеупомянутые протоколы, из которых он приводит несколько текстуальных выдержек; но он обходит молчанием все то, что в них было, в соответствии с заметками настоящего Дневника, запротоколировано относительно настроений маршала Фоша и глав союзных правительств, а также относительно некоторых побудительных причин решений, вынесенных ими в течение недели от 28 октября по 4 ноября, а именно: то обстоятельство, что борьба с Германией не была окончена и, как впоследствии признавали сами немцы, развернулась лишь после перемирия с Австро-Венгрией, явившегося следствием итальянских побед, одержанных в результате нашего наступления, предпринятого 24 октября. Это тем более верно, что в числе пунктов перемирия, подписанного 3 ноября, имеется пункт, предусматривающий продолжение войны с Германией с использованием венгерской территории группой армий под командованием герцога Аостского.

2. Италия вынуждена была еще в то время предусмотреть трудности, которые могли встретиться на пути осуществления ее национальных притязаний, считавшихся минимальными в период обсуждения и заключения Лон-

донского договора, пункты которого были весьма далеки от предвидения тяжких условий, в которых оказалась итальянская армия вследствие развала русского фронта. Представители Италии немедленно, и неоднократно, реагировали против относившегося к ним вильсоновского пункта. Благодаря этим заметкам обнаружится в частности то обстоятельство, что вопреки утверждениям, содержащимся в одном из наиболее полных печатных изданий, относящихся к этому вопросу, т. е. в сочинениях Чарльза Сеймура (они заслуживают внимания, ибо опираются на первоклассные документы, как «Intimate Papers of Colonel House, Boston 1926—1931»), а также вопреки тому, о чем более откровенно говорится в VI главе IV тома названного издания, озаглавленного «Торжество четырнадцати пунктов», пункт IX, относящийся к Италии, отнюдь не восторжествовал, а был недвусмысленным образом отвергнут как Соннино, так и Орlando как не удовлетворяющий нашим притязаниям и противоречащий нашим правам.

Противоположная этому точка зрения Вильсона послужила, к несчастью, основой той его позиции (проникнутой вначале непониманием, а затем—почти враждебностью), которую он продолжал занимать в отношении нас и в течение последующих событий, когда он приезжал в Европу и играл крупную роль в междусоюзнических совещаниях о мире.

Понедельник, 28 октября.

Отъезд из Рима в Париж.

Итальянское наступление, начатое 24-го числа, развивается неуверенно. На возвышенности Граппа бои в течение трех дней отличались особенным ожесточением. Вчера австрийцы предприняли яростную контратаку. Несколько итальянских частей уже прорвалось через Пиаве, но вздувшаяся после дождей река и быстрого течения затрудняют возведение и сохранение мостов, а следовательно, и снабжение войск, уже перешедших на другой берег. Повидимому, их придется снабжать воздушным путем.

Нитти, уже давно высказывавшийся против нашего наступления, написал Орlando на трех страницах письмо, начинающееся словами «Что происходит на Пиаве?», в котором он пытается предотвратить наступление, предвидит несчастья, настойчиво угрожает уходом с поста министра государственного казначейства.

Соннино, который с сентября устно и письменно путем официальных сообщений премьер-министру неоднократно настаивал на необходимости наступления, сохраняет спокойствие.

В Модане, куда мы прибываем ночью, нас извещают об успехах нашего наступления. Сводка генерала Диаца гласит, что за день было взято 9 тысяч австрийских пленных и 51 орудие.

Париж, вторник, 29 октября.

Совещание в кабинете французского министра иностранных дел Пишона на Кэ д'Орсе.

Присутствуют Клемансо, Пишон, Бертело; Ллойд Джордж, Бальфур, Хэнки; Хауз, Фразье, Очинклосс; Соннино и я; Манту—переводчик.

Обсуждается процедура, которую следует соблюдать в связи с недавним обменом сообщений между Вильсоном и Германией по поводу перемирия.

Соннино настаивает на необходимости заключения перемирия с Германией и Австрией на единой базе.

Зачитываются и обсуждаются в связи с этим некоторые из Четырнадцати пунктов Вильсона¹.

По II пункту (свобода морей)—оживленный обмен мнений. (Ллойд Джордж с присущим ему красноречием, которому он стремится придать еще больше гибкости и убедительности, когда он касается того, что при нынешних обстоятельствах он считает максимум английских интересов, в сжатой, твердой, красочной речи приводит причины, по которым он совершенно не может принять этот пункт.)

Выступают Хауз, Клемансо, Соннино, полагающий, что пока нет надобности в обсуждении этого пункта.

Ллойд Джордж говорит, что невозможно заключить перемирие, если это обяжет нас к выполнению названного условия.

Хауз указывает, что президент Вильсон сообщил эти условия неприятелю. Вильсону поэтому не оставалось бы ничего другого, как сообщить ему о том, что условия эти не были приняты союзниками. Возник бы вопрос, о том, не должны ли поэтому Соединенные штаты вести переговоры прямо от себя.

Клемансо.—Это означало бы, что Соединенные штаты смогут повести переговоры о заключении сепаратного мира?

Хауз.—Это могло бы повести к тому (It may lead to this).

Хауз совершенно спокоен, делая это заявление. Кажется человеком, лишенным нервов. Ни в его голосе несколько низкого тембра, ни на спокойном лице не заметно никакой перемены. Он спокоен и любезен; не вызывает даже холодности.

* * * *

Соннино зачитывает пункт IX: «The readjustment of the frontiers of Italy should be effected along clearly recognizable lines of nationality» [«Исправление границ Италии должно быть произведено в соответствии с линиями, ясно различимыми по национальному признаку»]. Соннино заявляет, что такая редакция не удовлетворяет целям безопасности, ради которой также боролась Италия, и поэтому она для нас неприемлема.

<Как обычно**, в речи Соннино, хотя он и старается сдерживать себя, проявляется его глубоко страстный темперамент; в своей

* Ср. прим. на стр. 45.

** Главы I, II, IV, V и VI настоящей книги были уже опубликованы в журнале «Nuova Antologia» за 1933—1935 гг., но без соблюдения хронологического порядка. Сначала была напечатана глава о перемирии с Австро-Венгрией. Этим объясняются те соображения, в силу которых в остроугольных скобках здесь помещены некоторые, печатаемые вне рамок Дневника разъяснительные примечания о характере собеседников, которые логически могли бы в настоящей книге появиться раньше. Но я предпочел оставить их

кристальной прямоте он выказывает почти презрительное отношение к проявлениям противодействия, или, вернее, того, что он считает непониманием той точки зрения, которую он считает правильной. Повидимому, немалую долю раздражения вызывает или укрепляет в нем его неумение легко находить нужные слова. Все это приводит его скорее к схематическим утверждениям, нежели к тонкостям искусства убеждения*.>

Хауз.—Условия президента Вильсона изложены в широких и общих выражениях. В пункте, касающемся Эльзаса и Лотарингии, например, не сказано ясно, что области эти должны быть возвращены Франции, но Вильсон понимает его в положительном смысле.

Клемансо.—Немцы, конечно, не истолковали названный пункт в этом смысле.

<Клемансо, подобно Соннино, в своих высказываниях обнаруживает силу внутреннего чувства, которое, однако, в нем как бы сдерживается спокойной силой и направленностью слова.>

Собрание решает отложить обсуждение вопроса о четырнадцати пунктах Вильсона и других условиях мира и вновь собраться завтра. В промежутке представители различных стран рассмотрят замечания, которые должны быть сделаны к четырнадцати пунктам, с целью подготовки общего документа для передачи президенту Вильсону с окончательными предложениями, касающимися перемирия.

Бюллетень Диаца: итальянские войска заняли высоты Вальдобьядене, на левом берегу реки Пиаве.

Среда, 30 октября.

Совещание днем на Кэ д'Орсе. Присутствуют те же, что и на вчерашнем заседании, а также Орландо, прибывший сегодня утром из Италии.

Ллойд Джордж вносит предложение, касающееся посылки сообщения президенту Вильсону, о котором говорилось на вчерашнем заседании.

на месте, внося возможно меньше изменений в отпечатанный уже текст настоящей и других глав.

* После одной из первых союзнических конференций, а именно после Римской конференции, состоявшейся 5—7 января 1917 г., Ллойд Джордж заявил: «Я в течение двух дней ознакомился с вами, барон Соннино, и пришел к убеждению, что вы не ягненок».

Британский посол в Париже лорд Берт, который был к нам всегда мало расположен, в своем «Дневнике» (v. II, p. 105), 9 января 1917 г., упоминает о письме из Рима, в котором, говоря о Римской конференции, пишет: «Конечно, Соннино и Кадорна—настоящие татары при переговорах; на них не действуют даже взлеты красноречия».

Впоследствии темперамент Соннино, завоевавший ему несомненное уважение его коллег, показался им очень неудобным, и это явилось одной из причин, по которым они, как это будет видно дальше, объединившись в Совет Четырех, отстранили Соннино от участия в нем.

Соннино разъясняет свою, уже излагавшуюся им вчера, точку зрения и заявляет, что им составлен письменный текст.

Ллойд Джордж.—Сейчас рассматривается только вопрос о перемирии с Германией, между тем как пункт, о котором поднят вопрос бароном Соннино, относится к условиям перемирия с Австрией*.

Соннино.—Если для сообщения Вильсону будет принято достигнутое союзниками соглашение о его Четырнадцати пунктах без оговорок, касающихся пункта, интересующего Италию, это могло бы дать основание полагать, что Италия согласна со всеми Четырнадцатью пунктами. Я мог бы принять предложенный г. Ллойд Джорджем текст только в том случае, если сообщение это не умаляет нашей позиции в отношении Австрии.

Хауз.—Всякое существенное изменение условий, возведенных Вильсоном, вынудило бы президента обращаться в каждом случае к конгрессу.

Соннино.—Но сам же президент в одной из своих нот признал, что со времени своих первых речей он изменил выставленные им условия в части, касающейся Чехо-Словакии и Югославии, и это было сделано им без обращения к конгрессу.

Соннино зачитывает нижеследующую декларацию: «Итальянское правительство полагает, что *readjustment* [исправление], о котором идет речь в статье IX, представляет собой не одно лишь простое исправление границ; для Италии дело заключается в том, чтобы добиться освобождения областей с итальянским населением и в то же время установить между Италией и Австрией или другими государствами, входившими до настоящего времени в состав Австро-Венгрии, границу, предоставляющую необходимые условия военной безопасности, достаточные для обеспечения независимости и сохранения мира, с учетом географических и исторических условий и с применением тех же принципов, которые были признаны в отношении Германии при разграничениях, явившихся следствием нынешней войны».

Соннино требует, чтобы эта оговорка была включена в нынешнее сообщение союзников Вильсону. Со своей стороны, он склонен принять провозглашенные Вильсоном пункты в части, относящейся к Германии, но он желает, чтобы было твердо установлено, что он их не принимает в части, касающейся Австрии.

Не удастся договориться о том, чтобы заявление Соннино было включено в текст сообщения союзников Вильсону, отредактированного Ллойд Джорджем и уже одобренного (вне заседаний, как это теперь выясняется) Клемансо и Хаузом, потому что, как замечают Ллойд Джордж, Бальфур, Клемансо и Хауз, итальянская декларация не касается Германии. Однако было решено, что декларация эта будет включена в протокол сегодняшнего совещания**.

После вышеупомянутых оговорок и разъяснений Орландо

* Здесь, как и в других местах, иногда говорится «Австрия» вместо «Австро-Венгрия».

** Декларация была включена в протокол.

заявляет о принятии им представленного Ллойд Джорджем текста сообщения Вильсону.

Собрание приступает к рассмотрению вопроса о перемирии с Австро-Венгрией.

Орlando.—На пути в Париж, в Турине, я беседовал по телефону с генералом Диацем. Он сообщил мне, что вчера, 29 октября, австрийский офицер явился с белым флагом на итальянские аванпосты и предъявил письмо, адресованное генералу Диацу австрийским генералом фон Вебером, командующим VI австрийским корпусом. Письмо было подписано генералом Вебером, а не главнокомандующим австро-венгерской армией.

В письме говорилось, что австро-венгерское правительство нотой от 28 октября согласилось со всеми пунктами президента Вильсона и дало инструкции верховному командованию назначить комиссию генералов под председательством генерала, подписавшего письмо, для ведения переговоров с итальянским командованием о заключении перемирия на суше и на море. Комиссия предлагала немедленно назначить место для безотлагательного обсуждения предложения. Генерал Диац, посоветовавшись со мной по телефону, поднял вопрос о положении, занимаемом австрийским генералом. Диац заявил, что он может вести переговоры только с главнокомандующим неприятельской армии или с назначенным им в законном порядке офицером. В последнем случае итальянское командование выражало готовность вести с ним переговоры после получения инструкции от итальянского правительства, которое должно было договориться со своими союзниками.

Кроме того, было получено по радио следующее воззвание:

«Австрийский император итальянскому верховному командованию.

Если эвакуация Венецианской области произойдет под давлением итальянской армии, т. е. в условиях непрерывных боев, то деревни, мосты, железные дороги этой области подвергнутся неизбежным разрушениям. Если же враждебные действия будут прерваны, эвакуация возделанных и урожайных равнин совершится без всякого ущерба для области. С этой целью австро-венгерское верховное командование желает договориться о немедленном прекращении враждебных действий. Император Карл, главнокомандующий венгерскими военными силами».

До настоящего времени ничего другого не произошло, но следует думать, что положение выяснится в течение ближайших часов.

Ллойд Джордж.—Полагаю, что было бы весьма полезно заключить перемирие с Австрией до переговоров с Германией; в особенности полезно было бы включить в условия перемирия пункт, предусматривающий право союзников использовать австро-венгерскую территорию для передвижений их войск. Предлагаю поэтому, чтобы экспертам были даны инструкции о подготовке условий перемирия с Австрией на следующих основаниях:

1. Эвакуация всех занятых территорий.

2. Демобилизация... дивизий.

3. Занятие линии, предусмотренной в Лондонском договоре.

4. С целью защиты угнетенных национальностей, по мысли Вильсона, от возможных нападений немцев:

а) право свободного передвижения союзных войск по шоссе-ным и железным дорогам или водным путям;

б) занятие стратегических пунктов, которые будут определены союзниками;

в) освобождение всех военнопленных и интернированных граждан союзных государств.

(Предложения эти принимаются.)

Пишон зачитывает условия перемирия на море, уже подготовленные экспертами.

Условия эти предусматривают сдачу почти всего австро-венгерского флота.

В конце длинного перечня Клемансо восклицает: «А штанов императора не требуют?»

Соннино и Орlando настаивают на том, чтобы возможно скорее было достигнуто соглашение о военных и морских условиях перемирия с Австро-Венгрией, с тем чтобы можно было сегодня же сообщить их генералу Диаци на тот случай, если в итальянский штаб вновь явится законно уполномоченный парламентар.

Четверг, 31 октября.

Утром заседание в доме полковника Хауза.

Обсуждается текст условий перемирия с Австро-Венгрией. Текст, подготовленный военными Высшего совета, был озаглавлен: *«Предложения, касающиеся перемирия с Австро-Венгрией»*. Соннино вычеркнул слова «предложения, касающиеся», заменив их словами *«условия перемирия»*.

Мне поручено составить статью относительно линии, описанной в Лондонском договоре. Выполняю поручение вместе с Манту в гостинице «Мерис» во время обеденного перерыва.

Во второй половине дня—совещание в Версале с участием Клемансо и Пишона, Ллойд Джорджа и Бальфура, Орlando и Соннино, Хауза, Веснича—от Сербии, Венизелоса—от Греции, военных из Высшего совета и секретарей.

Запрошенный о военном положении генерал Фош говорит, что германская армия дезорганизована, вынуждена постоянно отступать, «подобно человеку, потерявшему равновесие и шатающемуся» (Фош рисует положение жестом, раскачиваясь своим мощным корпусом); но он настаивает на необходимости методического уничтожения, на принятии боев повсюду. Борьба продолжается и затягивается.

На итальянском фронте положение весьма благополучно.

Мы только что получили известие о том, что неприятельская армия понесла поражение и была разрезана на две части. Это создало возможность наступления на Беллуно и Витторио.

(Вчера утром Орlando по прибытии, объявив нам о взятии Конельяно, рассказал, что им была получена телеграмма от короля, составленная приблизительно в следующих выражениях: «Сегодня перешел Пиаве в Нервезе. Дела идут хорошо. Австрийская армия производит впечатление разбитой армии». Орlando отмечает, что, хотя это и скрыто простым, четким стилем телеграммы, переход через Пиаве должен был произвести на короля глубокое впечатление. Орlando добавил: «Его величество всегда верит, даже в самые трудные минуты, в благополучный исход войны. Последняя фраза короля в адресованной мне телеграмме имеет особое значение, ибо его величество—очень тонкий наблюдатель».)

Клемансо просит зачитать условия перемирия с Австро-Венгрией, выработанные в соответствии с директивами, установленными на совещаниях, состоявшихся вчера и сегодня утром. Параграфы 1 и 2 принимаются без возражений.

Параграф 3 предусматривает отвод австро-венгерских войск за установленную Лондонским договором линию.

Веснич говорит, что он принимает этот параграф, а также следующий, в котором говорится о праве свободного передвижения войск по австро-венгерской территории и занятию на этой территории стратегических пунктов, но что он принимает их с оговорками. Он не понимает, по какой причине, если территории монархии должны быть эвакуированы, предусматривается линия Адриатики и не говорится обо всех югославских территориях.

Клемансо.—Здесь речь идет не об условиях мира, а об условиях перемирия. Эвакуируемые в настоящее время территории будут сообща заняты союзниками. Замечание г. Веснича будет принято к сведению в мирных условиях.

Веснич.—Я не хочу сказать, что это—условия мира. Во всех провинциях Австро-Венгрии царит большое беспокойство. Наши армии скоро будут в этих местах, и я не могу понять, почему в настоящий момент оккупация должна ограничиться только что указанной линией.

После краткого обсуждения, в котором принимают участие Бальфур и Хауз, параграф 3 утверждается.

Переходят к параграфу 4.

Клемансо.—Эта статья принесет удовлетворение г. Весничу.

Веснич просит разрешить перечислить точнее некоторые пункты, которые, по его мнению, союзникам следовало бы оккупировать.

Лейд Джорджис.—Многое можно сказать в пользу оккупации Боснии и Герцеговины. Так как сербские войска находятся поблизости, я не вижу причин, по которым им нельзя было бы дать занять

эту область. Существует значительная разница между параграфами 3 и 4. Параграф 3 касается только занятия некоторых стратегических пунктов, в то время как параграф 4 предоставляет союзникам право передвижения по всей территории монархии. Оба пункта по смыслу отличаются от простой оккупации. Босния и Герцеговина населены славянами, и мы не должны были бы препятствовать сербам вступить на эти территории, с которыми они находятся по соседству.

Бальфур.—Можно было бы добавить к параграфу 4, что это право оккупации во всех провинциях Австро-Венгрии предоставляется также в целях «поддержания порядка».

Веснич.—Я не хотел бы быть неправильно понятым. Мое замечание относится не только к Боснии и Герцеговине, но и ко всем странам, населенным южными славянами. В этих странах идет сильное брожение; союзники заинтересованы в том, чтобы создать в период перемирия в этих областях ясную и благоприятную ситуацию, в особенности потому, что население этих стран с самого начала войны поставило себя под защиту союзников. Мне хотелось бы, кроме того, сделать замечание, касающееся предыдущего параграфа. Г-ном Ллойд Джорджем было раньше сказано, что эти территории, вопрос об эвакуации которых теперь обсуждается, являются территориями итальянскими. Я не хочу, чтобы в протоколах было допущено смешение понятий. Должно быть совершенно ясно, что эти территории будут эвакуированы в военных целях, причем этим не будут предрены условия будущего мира. Если бы это было не так, я вынужден был бы заявить формальный протест.

(Как обычно, сербскому министру, хотя он и старается сдерживать себя и казаться спокойным, не удается скрыть внутреннее волнение, отражающееся в голосе и в выражении лица. Во время спора лицо Соннино краснеет, у Веснича оно бледнеет.)

Венизелос примирительно говорит, что поправка г. Бальфура отражает идею министра Веснича, так как она имеет в виду не только Боснию и Герцеговину, но и всю территорию.

Параграф 4 утверждается с внесением поправки, предложенной Бальфуром.

Итальянские представители соблюдают абсолютную сдержанность и не принимают участия в дискуссии.

Параграфы 5, 6, 7 и 8, относящиеся к эвакуации германскими войсками австро-венгерской территории, к управлению эвакуированными территориями, каковое возлагается на местные власти под контролем союзнических и объединенных оккупационных войск, к военнопленным и больным, —утверждаются без обсуждения.

Совещание переходит к обсуждению морских условий.

Английский адмирал Уэмисс, итальянский Грасси, французский де Бон и сэр Эрик Геддес принимают участие в обсуждении предложения об истребовании (у Австро-Венгрии.—*БШ.*) четырех линейных кораблей и всех миноносцев новейшего типа.

Ллойд Джордж находит это требование чрезмерным; оно, по его мнению, могло бы вынудить Австро-Венгрию продолжать войну.

Соннино в заключение предлагает затребовать три линейных корабля, три легких крейсера, девять контрминоносцев, 12 миноносцев и шесть дунайских мониторов.

Предложение это принимается.

Веснич поднимает вопрос об австро-венгерском торговом тоннаже, который должен быть распределен между союзниками. Он замечает, что многое из этого тоннажа принадлежит югославским подданным, и предлагает оставить его свободным до рассмотрения вопроса междусоюзнической комиссией.

Клемансо.—Об этом уже сказано в одной из статей, а именно в девятой, предусматривающей возвращение торговых судов союзных и присоединившихся держав. Южные славяне могут рассматриваться как присоединившаяся держава.

Бальфур.—Я не могу разделить эту точку зрения, так как южные славяне никогда не признавались державой, входящей в объединение.

Веснич.—Это следовало сделать, так как братья сербов должны были бы признаваться присоединившимися наравне с сербами.

Бальфур.—Я был бы готов так поступить, но есть еще вопрос об использовании мирового тоннажа. Предлагаю поэтому предоставить весь тоннаж в распоряжение специальной комиссии.

Хауз.—Условие это не следовало бы включать в текст перемирия, оно должно быть принято в соображение при обсуждении условий мира.

Ллойд Джордж.—Блокада продолжается, что дает нам возможность диктовать желательные нам условия в период перемирия.

Орlando.—Согласен. Но я не вижу причин, по которым исключения должны касаться только южных славян.

Большое количество итальянских судов находится в Фиуме—городе по преимуществу итальянском. Я не знаю города более итальянского, чем Фиуме: Фиуме—город более итальянский, чем Рим. Почему бы не предоставить ему подобную же свободу? Предлагаю образовать международную комиссию с предоставлением ей права применять исключения.

(Предлагаются другие поправки.)

Веснич.—Я желаю, чтобы в протоколах было ясно указано, что статья эта относится к югославскому тоннажу.

Клемансо.—Г-н Орlando сделал необходимые замечания по этому поводу.

Веснич.—Протестую против этого заявления.

Соннино.—Мне представляется весьма затруднительным различать южных славян; некоторые из них являются австрийцами и австрофилами.

Веснич.—Я не хочу начинать спора по этому вопросу на нынеш-

нем заседании, но прошу, чтобы мой протест был занесен в протокол на предмет будущих ссылок.

Клемансо.—Предлагаю принять предложение г. Бальфура с поправкой г. Орландо, а именно: «Не считая исключений, которые могут быть сделаны комиссией, назначенной союзниками и Соединенными штатами Америки».

(Предложение принимается.)

После некоторых замечаний, касающихся блокады, текст условия перемирия с Австро-Венгрией полностью утверждается.

Тотчас же после заседания условия эти передаются по телефону на итальянском языке генералу Диацу; французский текст отправляется со специальным курьером.

Орландо говорит мне, что им получено сообщение о том, что австрийские парламентарии вернулись и находятся в Вилла Джусти. Один из парламентариев почувствовал себя дурно и в изнеможении произнес: «Австрия пойдет на любые условия».

Сводка Диаца извещает, что неприятель отступает к Тальяменто. Число пленных превышает 50 тысяч человек, взято более 300 пушек.

Пятница, 1 ноября.

Утром собрание у полковника Хауза (*Клемансо*, *Фош*, *Вейган*, *Ллойд Джордж*, *Геддес*, *Орландо*, *Хауз* и секретари).

Ллойд Джордж зачитывает перехваченную телеграмму из Полы австрийскому морскому атташе в Константинополе с некоторыми инструкциями, касающимися не-югославского персонала австро-венгерских судов, ввиду того, что «флот, предприятия и все другое морское имущество будет передано югославскому Национальному совету».

Орландо.—Условия перемирия с Австро-Венгрией были вчера переданы по телефону генералу Диацу. В Адриатике австрийский миноносец с югославским экипажем пытался послать парламентария к итальянскому флоту, но итальянцы ответили, что австро-венгерским уполномоченным были уже сообщены условия перемирия. Кроме того, на итальянский фронт явился уполномоченный Гинденбургом германский полковник, заявивший, что ему поручено присутствовать при переговорах о перемирии с Австро-Венгрией. Генерал Диац ответил, что он не может разрешить ему этого.

Обсуждаются условия перемирия с Германией. Если Германия не уступит, можно будет повести на нее наступление через Австро-Венгрию.

Днем заседание Верховного совета в Версале. Кроме участников вчерашнего заседания, присутствуют Мацуи от Японии, Гиманс от Бельгии и соответственные эксперты и секретари.

Клемансо читает текст ноты, подготовленной премьер-министрами для отправления Вильсону от имени союзных правительств.

...

Орландо.—Напомню, что на совещании премьеров, где нота была подготовлена, итальянское правительство в связи с вильсоновским пунктом IX, который может дать место различным его толкованиям, уже заявляло о том, что оно вынуждено сделать оговорку. Было отвечено, что вопрос не относится к Германии, о которой идет речь только в ноте президенту Вильсону. Но так как теперь требуется утвердить этот документ на пленарном заседании, я желаю, чтобы вновь было принято к сведению, что Италия выдвигает оговорки относительно этого пункта IX.

Клемансо.—Полковник Хауз представит вскоре общие разъяснения по четырнадцати пунктам.

Клемансо зачитывает принятое по радио сообщение, адресованное президенту Вильсону и главнокомандующему американским флотом.

В сообщении этом подписавшие его южные славяне жалуются на продолжение враждебных действий в Адриатике и утверждают, что в их руках находится весь австро-венгерский флот, за исключением двух броненосцев, пущенных ко дну итальянцами. Южные славяне требуют, чтобы весь флот был поставлен под защиту Америки или какой-либо союзной державы. (Слушая это сообщение, смысл которого не вполне ясен, командир Русполи из нашей морской секции в Версале, сидящий рядом со мной, говорит мне: «Видно, дело в Поле удалось». Так, благодаря протесту южных славян мы получаем первое известие об изумительном подвиге Паолуччи и Россетти².)

Клемансо.—Можно было бы ответить на только что зачитанное послание, если бы оно было обращено к союзникам, что суда, захваченные южными славянами, как и другие суда, взятые другими, должны быть переданы в распоряжение держав Антанты.

Соннино.—Это—просто австрийский трюк. Допустим, что Германия при подписании условий перемирия стала бы утверждать, что весь ее флот передан Дании и что поэтому у нее больше не имеется судов для сдачи. Что мы смогли бы поделать в этом случае? После заключения мира она получила бы обратно свои суда, и мы оказались бы в смешном положении. Не далее как вчера мы утвердили условия перемирия с Австрией. Условия эти были уже сообщены генералу Диацу. Мы не можем принять теперь заявление о том, что та или иная сумма ценностей была передана другим.

Веснич.—К моему сожалению, я не могу согласиться с бароном Соннино. Уже было вынесено решение о создании комиссии по вопросам тоннажа; интересующий нас в настоящее время факт является военным актом и результатом содействия, оказываемого южными славянами делу союзников с самого начала войны. Сотрудничество это нашло в настоящее время явное подтверждение в факте овладения всем австрийским флотом. Южные славяне,

как союзники союзников, взяли этот флот и требуют, чтобы он рассматривался в качестве союзного флота. Я хочу присоединиться к просьбе моих братьев по крови и прошу конференцию принять ее.

Клемансо.—Необходимо принять во внимание доводы барона Соннино. Вчера мы установили условия перемирия, которые распространяются, между прочим, на австро-венгерский флот. Сегодня мы узнаем, что он находится в руках южных славян. Мысль о передаче флота одному из союзников, точнее говоря, президенту Вильсону, нельзя считать удачной. Президент Вильсон находится в Вашингтоне, далеко, он не знаком с Адриатикой и не мог бы отдавать приказаний, мы же в состоянии это сделать. Южные славяне совершили удачный акт войны, и мы приносим им живейшие поздравления, но я не могу присоединиться к их предложению передать флот наиболее отдаленному из союзников. Флот следовало бы передать союзникам как единому целому (as a whole).

Хауз указывает, что в послании, принятом по радио, говорится: «...президенту Вильсону или одному из союзников». По его мнению, в обсуждении вопроса в настоящее время не представляется необходимости.

Ллойд Джордж.—Я согласен, что нет надобности обсуждать вопрос. Но он гораздо шире, чем кажется. Я и мои английские коллеги получили это известие сегодня утром и успели обсудить его. Было бы ошибкой посылать ответ, могущий показаться проявлением недоброжелательства. Вчера было принято решение относительно австрийского флота, а именно решение об истребовании одной части флота и интернировании остальной. Сегодня мы имеем предложение, касающееся сдачи всего флота и передачи его одному из союзников. Не следовало бы отвергать добрые намерения. Мы готовим Германии тяжелые условия перемирия. Если Германия откажется признать их, нам понадобятся все силы для преодоления последнего ее сопротивления. Южные славяне—молодая и сильная нация, которая могла бы оказать нам действительную помощь на юге. Вышеуказанным актом они выпотрошили наших врагов (they have rent the very entrails of our enemies). Мы должны дать им ответ, который не являлся бы чисто формальным.

Веснич.—Я был рад выслушать слова, только что сказанные британским премьер-министром. Прошу собрание принять во внимание, что люди, совершившие этот акт, рисковали своей головой. Они не дипломаты. Быть может, они не искушены в писании нот. Однако то, о чем они говорят, может быть выражено в следующих словах: «Мы взяли этот флот и передаем его в распоряжение президента Вильсона». В сущности я должен был бы поздравить их с этим их выбором, так как правительство Соединенных штатов не союзное, а присоединившееся. Не следует ставить им в вину их обращение к президенту Соединенных штатов. Он, как и все державы Согласия, является другом малых наций. От имени южных славян, с которыми я нахожусь в тесной связи и подлинные чувства

которых я выражаю, я прошу собрание истолковать их просьбу в том смысле, что они предоставляют в распоряжение союзников флот и себя самих как верных солдат. Прошу дать ответ в духе, согласном с этими их чувствами.

Орlando.—Здесь обсуждается предмет, о котором мы не имеем пока достаточно сведений. До настоящего времени мы располагаем всего лишь одной перехваченной телеграммой. Кстати о радиogramмах. Командующий итальянскими силами в Венеции получил радиogramму от одного адмирала из г. Полы. Если бы мы имели дело с восстанием моряков, которые предложили бы нам захваченный ими флот, мы должны были бы принять его с радостью, в особенности потому, что большинство экипажа состоит из итальянцев или южных славян. Но большинство офицеров на судах, о которых идет речь, состоит из венгров или австрийцев. Так как эта радиogramма получена от адмирала, мы должны быть осторожны. Если экипажи, принадлежащие дружественным Соглашению народам, состоят из южных славян или итальянцев, желающих сдаться, мы должны быть довольны этим, ибо они дают нам больше того, что мы требовали по условиям перемирия. Генерал Динац уже получил условия перемирия и, быть может, уже сообщил их неприятельским уполномоченным. Условия не могут быть изменены.

Ллойд Джордж.—Ответный шаг—за нами, так как мы получили официальный запрос.

Клемансо.—Мы не имеем официального запроса, есть только радиogramма.

Веснич.—Мне хотелось бы сделать одно замечание. Г-н Орlando говорил, что условия перемирия были утверждены вчера. Теперь приходит это известие, подобное громовому удару, хотя и приятное. На основании предшествовавших событий, которые мне известны, я вправе думать, что сообщение это правильно. Поэтому нам следовало бы рассматривать его как официальное требование, не игнорировать его, не отвергать выражения доброй воли, которая могла бы оказать в дальнейшем свое действие в других случаях.

Хауз.—Полагаю, что следовало бы дожидаться более официального сообщения.

Орlando.—Командующий военными силами в Венеции получил послание, извещающее его о том, что он может отправиться в Полу. Я дал свое согласие на поездку адмирала, но рекомендовал ему соблюдать осторожность ввиду коварства Австрии, засвидетельствованного опытом прошлых времен.

Ллойд Джордж.—Повторяю, что предложение это лучше условий перемирия, так как в отличие от них предусматривает передачу всего флота. Предлагаю, чтобы американское правительство от имени Союзного Совета предложило австрийским судам отправиться в Корфу и стать под командование союзного главнокомандующего средиземноморскими силами. Если они согласятся на это, тем лучше, в противном случае мы ничем не рискуем.

Орландо.—Что же должен я сказать Диацу в этом случае? Я не могу советовать ему ни ждать, ни вести переговоры только о военных условиях, оставляя в пренебрежении условия перемирия на море. Условия эти неотделимы друг от друга.

Венизелос.—Думаю, что г. Орландо прав в своей ссылке на то, что условия перемирия уже сообщены неприятельским уполномоченным. У нас имеется два параллельных средства для достижения успеха. Если адмирал может передать суда, мы должны будем продолжать процедуру перемирия, в противном случае мы можем принять другое предложение.

Думаю, что соглашение может быть достигнуто на этой основе.

Клемансо.—Предлагаю отложить обсуждение вопроса на завтра.

(Предложение принимается.)

В бюллетене Диаца сообщается о занятии Фельтре. Число взятых орудий превышает 700.

Суббота, 2 ноября.

Совещание в 10 часов в военном министерстве. Присутствуют премьер-министры с Хаузом, военными советниками и некоторыми секретарями. От Италии—Орландо, Ди Робилант и я.

Клемансо.—Необходимо обсудить, как поступить в нижеследующих трех случаях: 1) если Австрия не примет условий перемирия; 2) если Австрия впадет в хаотическое состояние; 3) если Австрия согласится на условия перемирия. Лучше всего передать вопрос на обсуждение военных экспертов.

Ллойд Джордж.—Согласен.

Орландо.—Генерал Диац сообщил, что вначале австрийские уполномоченные обнаруживали максимальную поспешность и сетовали на медленность действий, чего не было на самом деле, ибо условия перемирия были посланы с рекордной быстротой, теперь же они, повидимому, стараются выиграть время. Не следует ли послать генералу Диацу инструкции о назначении срока, в течение которого должен быть дан австрийский ответ?

Ллойд Джордж.—Условия перемирия были уже вручены?..

Орландо.—Да. В тот же день, как они были утверждены, они были переданы на итальянском языке по телефону Диацу. Одновременно был послан офицер с французским текстом. Итальянский текст вчера генералом Диацем был сообщен австрийским уполномоченным, которые сегодня, наверное, получают и французский текст.

Затем собрание переходит к обсуждению вопросов, поставленных Клемансо.

Ллойд Джордж.—Если Австрия примет условия перемирия, можно будет подумать об оккупации Баварии и Чехии. Мы можем воспользоваться чехо-словаками, являющимися отличными солдатами; их можно было бы рассматривать как союзников.

Орландо.—Я согласен, что следует воспользоваться всеми враждебными Австрии национальностями. В Италии находится пол-

торы дивизии отличных чехо-словацких войск, возглавляемых итальянскими офицерами.

Хауз.—Я полагаю, что можно было бы отложить обсуждение вопроса.

Орlando.—Согласен; тем временем военные могли бы заняться изучением вопроса о способах оккупации Австрии.

(Затем собрание переходит к обсуждению срока, который должен быть предоставлен австрийским уполномоченным для дачи ответа о принятии условий перемирия. Фош предлагает 24 часа, Клемансо—48, чтобы дать время связаться с Веной. Собрание утверждает этот последний срок, и Орlando дает распоряжение о немедленном извещении по телеграфу Дияца.)

Решено, что завтра премьер-министры соберутся в доме Хауза, чтобы выслушать его сообщение по поводу четырнадцати пунктов.

Днем в 15 часов совещание в Версале. Кроме обычных участников (от Италии—Орlando и Соннино), присутствует также премьер-министр Португалии.

Клемансо предоставляет слово Пишону.

Пишон.—Как сообщается в телеграмме генерала Франше д'Эспере, генерал Пиачентини известил командующего восточной армией, что в соответствии с инструкциями итальянского правительства он готов согласиться в принципе и при известных условиях на смешанную оккупацию Скутари, но что оккупация Черногории должна быть предоставлена исключительно Италии. Я думаю, что здесь имеет место недоразумение, и желал бы получить какие-либо разъяснения.

Соннино.—Здесь недоразумение. Италия желала бы только принять участие в вышеупомянутых оккупациях.

Собрание переходит к обсуждению морских условий перемирия с Германией.

Ллойд Джордж.—Условия будут в значительной степени зависеть от того, как пойдут дела с Австрией. Если Австрия примет наши условия или же если итальянские успехи будут продолжаться, мы сможем поставить более серьезные условия. Иначе, если Австрия не сдастся, но будет продолжать войну, мы должны будем серьезно изучить положение. Не зная этого, мы не сможем решить, что мы должны потребовать от Германии. Мы должны установить, хотим ли мы заключить мир немедленно или же продолжать войну еще в течение одного года. Если Австрия уступит, мы будем знать, как нам поступить. Быть может, мы узнаем об этом послезавтра.

Хауз.—Немцы узнают об этом раньше нас. Какую выгоду даст нам ожидание?

Ллойд Джордж.—Форма нашего требования может быть изменена в зависимости от ответа Австрии. Если мы будем знать, что

мы можем пойти на Мюнхен или Дрезден, мы сможем принять другой тон.

Клемансо.—Предлагаю отложить дальнейшее обсуждение на понедельник.

Вечером Орlando говорит мне, что он получил из Фиуме телеграмму с просьбой об оказании помощи и о занятии города итальянцами. После некоторого размышления, ввиду того что такая оккупация не была предусмотрена в беседах с коллегами, Орlando дает распоряжение в положительном смысле. Фиуме будет оккупирован.

Воскресенье, 3 ноября.

Собрание премьер-министров и некоторых из секретарей в доме Хауза в 15 часов. Присутствуют Клемансо, Ллойд Джордж и Хэнки, Орlando и я, Хауз и Фразье, Гиманс.

Клемансо.—Я получил известие о послании, адресованном эрцгерцогом Карлом в Мальту, в котором сообщалось, что выход флота из Каттаро был отменен распоряжением Комитета южных славян и что связь с Полой прервана. Как сообщает одна радиограмма, часть флота южных славян в Каттаро шлет привет морским силам Согласия и просит прислать в Каттаро английский и американский флоты.

Ллойд Джордж.—Ясно, что югославский флот готов поступить в распоряжение английского или американского флота или же принять эти флоты в Каттаро.

Орlando.—Я слышал, что Комитет южных славян хотел бы, чтобы австро-венгерский флот плавал под югославским флагом. Не говоря о том, что флаг этот не был признан ни одной державой, замечу, что до настоящего времени не имеется точных сведений о положении этого флота. Все это может скрывать за собою какой-либо трюк, направленный против нас. Единственно приемлемой формой передачи флота является водружение белого флага, т. е. сигнал о сдаче. Нужно поэтому ответить, чтобы флот направился в Корфу с белым флагом.

(Предложение принимается.)

Собрание переходит к обсуждению четырнадцати пунктов Вильсона и, главным образом, пункта, касающегося свободы морей³.

Орlando вновь обращает внимание участников совещания на замечания итальянского правительства, касающиеся пункта IX.

Ллойд Джордж замечает, что пункты IX, X, XI, XII относятся к Австро-Венгрии, Румынии, Сербии, Черногории и Турции и что приводить их при заключении перемирия с Германией нет необходимости.

Хауз.—Я думаю, что было бы лучше не сообщать об этом Вильсону: не стоит увеличивать количества возражений.

Клемансо.—Согласен.

Заседание закрывается, но тотчас же по выходе Орlando вручают извещение о том, что, согласно только что полученной из Турина фонограмме, австрийцы час назад подписали перемирие на Вилла Джусты⁴ и что военные действия будут приостановлены завтра, в понедельник, 4 ноября, в 15 часов.

Орlando сообщает об этом своим коллегам. Ллойд Джордж восклицает: «Это очень интересно!»

Премьер-министры возвращаются, и заседание продолжается.

Атмосфера заседания кажется изменившейся—выражение удовлетворения на прояснившихся лицах. Кроме Орlando, наиболее довольным кажется Ллойд Джордж, нервным, возбужденным, полным решимости тоном обсуждающий вопрос о дальнейшем образе действий.

Решено немедленно опубликовать извещение о подписании перемирия, но так как враждебные действия будут прекращены только завтра днем, указать, что условия перемирия будут опубликованы во вторник, 5-го числа.

Выходя из автомобиля, доставившего нас в гостиницу «Мерис», Орlando в порыве радости говорит шоферу: «Подписано перемирие». — «Как?» — «Да, перемирие с Австрией!»

Французский «человек улицы» кажется разочарованным.

В 16 часов собираются генералы Фош, Блисс, Ди Робилант, Вильсон для обсуждения вопроса об использовании союзных сил против Германии.

Предлагается нижеследующий текст постановления:

«Незамедлительно будет образована группа из трех армий, предназначенных для операций на баварском фронте.

Численность названной группы армий будет в кратчайший срок постепенно доведена до 30 или 40 дивизий, которые будут сняты с итальянского фронта, включая в это число три британские и две французские дивизии.

Названная группа армий будет поставлена под командование итальянского генерала; три армии будут находиться под командованием генералов соответствующих национальностей.

В целях согласования операций против Германии эта группа армий будет подчинена главнокомандующему союзных армий (Фошу)».

Бюллетень Диаца: «Наши войска заняли Тренто и высадились в Триесте. Трехцветный флаг развевается над замком Буон Консильо и башней Сан-Джусто».

Понедельник, 4 ноября.

Утром на заседании премьер-министров утверждаются предложения военных советников.

На пост командующего группой армий, предназначенных для операций на австрийской территории, после того как были названы имена Франше д'Эспере и Диаса, решено назначить герцога Аостского.

Днем—заседание в Версале.

Утверждаются условия перемирия с Германией и соответствующая процедура, а именно: решено просить президента Вильсона предложить немцам послать уполномоченного к маршалу Фошу.

Итальянские войска заняли Зару, и итальянские военные корабли «Эмануэле Филиберто» и «Стокко» вошли в порт Фиуме.

Отъезд из Парижа в Рим.

Среда, 6 ноября.

Во избежание демонстрации при его прибытии в Рим Соннино сошел с поезда в Фурбаре и в специально заказанном автомобиле проехал незамеченным в Рим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Четырнадцать пунктов Вильсона как условия мира были изложены Вильсоном в его послании конгрессу Соединенных штатов 8 января 1918 г. Содержание этих пунктов таково: 1) отказ от тайной дипломатии; 2) свобода морей; 3) свобода торговли; 4) ограничение вооружений; 5) справедливое урегулирование колониальных претензий; 6) очищение занятых русских областей и разрешение всех касающихся России (революционной) вопросов; 7) очищение и восстановление Бельгии; 8) очищение и восстановление занятых французских областей и возвращение Франции Эльзас-Лотарингии; 9) исправление итальянских границ согласно ясно выраженному национальному признаку; 10) самостоятельное развитие народов Австро-Венгрии; 11) очищение и восстановление Румынии, Сербии и Черногории; предоставление Сербии свободного выхода к морю; 12) урегулирование турецкого вопроса; самостоятельное развитие нетурецких народностей в Турции; интернационализация Дарданелл; 13) создание независимой Польши с несомненно польским населением; 14) «Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статуты в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств».

Переговоры о перемирии между Германией и союзниками были начаты при посредстве президента Вильсона, автора приведенных Четырнадцати пунктов. В ночь с 4 на 5 октября германское правительство сообщило Вильсону о своем согласии заключить мир на основе четырнадцати пунктов. Что же касается союзников, то они сообщили Вильсону, что принимают Четырнадцать пунктов, за исключением пункта 2 (свобода морей), и с тем, чтобы Германия возместила все убытки, причиненные военными действиями немцев на суше, на море и в воздухе.

² Автор допустил неточность. Паолуччи и Россетти потопили в ночь с 31 октября на 1 ноября адмиральский корабль «Вирибус Унитис», а не два броненосца.

³ Речь идет о пункте 2 из четырнадцати пунктов Вильсона: «Абсолютная свобода судоходства на морях, вне территориальных вод как в

мирное, так и в военное время, кроме случаев, когда некоторые моря будут частью или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров». Этот тезис выражал стремления американского империализма обеспечить для американского судоходства в будущем полную свободу плавания во время войны. Против этого тезиса решительно возражали англичане, ибо свободное плавание американских судов во время войны препятствовало бы проведению блокады. На совещании 4 ноября Ллойд Джордж настоял на том, чтобы в ответе президенту Вильсону этот пункт был объявлен дискуссионным.

⁴ *Перемирие на Вилла Джусты* (Падуа) между Австро-Венгрией и Антантой было подписано 3 ноября 1918 г. Условиями перемирия в числе других были:

I. Военные положения: 1) Немедленное прекращение враждебных действий на суше, на воде и в воздухе. 2) Полная демобилизация Австро-Венгрии и вывод ее войск с фронта от Северного моря и до швейцарской границы. На территории Австро-Венгрии могут остаться максимум 20 дивизий, переведенных на мирное положение; половина всего артиллерийского материала и снаряжения должна быть сдана союзникам. 3) Эвакуация всех областей, занятых австрийцами и венграми с начала войны. 4) Союзникам предоставляется неограниченное право: а) свободного передвижения их войск по всем железнодорожным и водным путям Австро-Венгрии с использованием нужных транспортных средств страны; б) занятия союзными силами стратегических пунктов в Австро-Венгрии; в) реквизиции за плату всего, что нужно для союзнических войск. 5) Удаление с австро-венгерской территории в течение двухнедельного срока всех германских войск и интернирование оставшихся. 6) Временное управление в очищенных Австро-Венгрией областях передается местным властям под контролем командующих союзническими оккупационными армиями. 7) Немедленная репатриация без применения начала взаимности всех союзнических военнопленных и гражданских интернированных в Австро-Венгрии.

II. Морские положения: 1) Немедленное прекращение всяких враждебных действий на море с точным указанием местонахождения и маршрутов всех австро-венгерских судов. Нейтральные державы должны быть оповещены о том, что им предоставляется право освободить все союзнические военные и торговые суда, находящиеся в их территориальных водах. 2) Передача 15 австро-венгерских подводных лодок, полная демобилизация и разоружение всех остальных подводных лодок, остающихся под надзором союзников и Соединенных Штатов. 3) Передача трех броненосцев, трех легких крейсеров, девяти истребителей, всех миноносцев, шести дунайских мониторов, демобилизация и разоружение всех остальных военных судов Австро-Венгрии, включая и речные, и надзор над ними союзников и Соединенных Штатов. 4) Свобода плавания для всех военных и торговых судов союзников в территориальных водах Австро-Венгрии, в Адриатическом море и по Дунаю с его притоками (в пределах Австро-Венгрии). 5) Сохранение союзнической блокады в прежних условиях. 6) Все вооруженные средства австро-венгерского флота должны быть собраны в указанных союзниками и Соединенными Штатами гаванях. 7) Эвакуация всего побережья и всех торговых портов, занятых Австро-Венгрией вне пределов своей территории, и передача союзникам всего судоходного материала. 8) Занятие союзниками и Соединенными Штатами всех сухопутных и морских укреплений, созданных Австро-Венгрией, а также всех ее верфей и арсеналов. 9) Выдача союзникам захваченных торговых судов.

VI

НЕДЕЛЯ БОРЬБЫ ЗА АДРИАТИКУ

(Париж, 17—27 апреля 1919 г.)

Вопросы, касающиеся Италии, которые, как мы видели, создали затруднения в момент заключения перемирия, неоднократно обсуждались в разное время на мирной конференции в официальном или полуофициальном порядке, на пленарных заседаниях или в частных беседах между отдельными делегатами.

Соннино, настаивавший на необходимости установления единой основы перемирия с Германией и Австро-Венгрией, полагал, что для мирных условий равным образом должна иметься единая база, более того—единый мирный договор.

По многим причинам, которых я здесь не буду касаться, это оказалось невозможным. Как известно, было заключено столько же мирных договоров, сколько было врагов. Был последовательно утвержден и подписан ряд отдельных трактатов.

В первую очередь был обсужден договор с Германией, особенно интересовавший Англию, Францию, Америку. Это заняло около трех месяцев.

Сначала обсуждение велось на многолюдных собраниях, в которых участвовали главы делегаций главнейших союзных и входивших в объединение держав—Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Италии, Японии, соответствующие министры иностранных дел, некоторые другие члены отдельных делегаций, маршалы, генералы, адмиралы, эксперты и многочисленные секретари.

В дальнейшем по соображениям секретного, как утверждали, характера, так как Вильсон и Ллойд Джордж жаловались на разглашение переговоров, возможное при многочисленном составе участников заседания (кое-кто полагал, что из-за желания исключить из их числа Соннино, показавшегося Вильсону неудобным оппонентом) было решено 24 марта, что четыре премьер-министра—Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж и Орландо—будут собираться на «частные» совещания, которые получили название совещаний Четырех.

На этих совещаниях, происходивших обычно два раза в день, в течение трех часов по утрам и двух или трех часов в послеполуденное время в помещении, занимаемом Вильсоном (11, Place des Etats Unis), не присутствовал вначале ни один из секретарей, за исключением французского переводчика Манту.

Впоследствии, в период с 19 апреля до подписания Версальского договора

(28 июня 1919 г.), я был приглашен присутствовать на этих заседаниях вместо с сэром Морисом Хэнки от Англии.

Все делали записи: Манту—с целью использования их для своих немедленных устных переводов на французский или английский языки, Хэнки—на английском, я—на итальянском. Заметки Манту мне неизвестны. Хэнки, как я упоминал в предисловии к настоящей книге, составлял из своих записей протоколы в форме заметок для английской делегации, которые затем он передавал Вильсону, Клемансо, Орландо, а также весьма ограниченному кругу лиц. Заметки Хэнки никогда формально не утверждались и поэтому не являются документами официальными. Однако против них никаких возражений Четверка не выдвигала. Они почти буквально совпадали с моими записями, которые я после заседаний зачитывал в присутствии Орландо на совещаниях итальянской делегации (Орландо, Соннино, Саландра, Сальваго и Бардзилай).

Я переводил, торопливо записывая по-итальянски, выступления, происходившие на английском и французском языках. Этот итальянский язык, разумеется, не отличается чистотой, однако я сохранил обороты речи, подходящие возможно ближе по смыслу к выражениям, которыми пользовались на своем языке отдельные ораторы.

В тот же день, 24 марта, было решено, что Четверка-обсудит между собой стоящие на очереди вопросы в следующем порядке:

Репарации (возмещение убытков).

Предоставление Франции гарантий на случай внезапного нападения со стороны немцев.

Итальянские границы.

Итальянские вопросы, о которых уже шла речь на некоторых официальных заседаниях, главным образом на совещании 18 февраля, на котором Веснич и Трумбич выступили с изложением югославской точки зрения, были вновь поставлены. Четырьмя на заседании 3 апреля, когда Орландо был неожиданно приглашен изложить итальянскую точку зрения.

Выступление Орландо и дискуссия между Орландо и Вильсоном длились в тот день от 11 час. 30 мин. утра до 13 часов. В то время как главы правительств, поднявшись со своих мест, собирались уходить, Ллойд Джордж сказал: «Настала пора выслушать южных славян».

Орландо спросили, не встречается ли возражений с его стороны. Он ответил отрицательно, добавив, однако, что он оставляет за собой право не принимать в этом участия, и заметил, что не следует вести споров с врагами, подобно тому, как было сделано с немцами.

Ллойд Джордж заметил, что Веснич в случае его участия в совещании явился бы представителем союзного государства. Орландо вновь указал, что лично он стоит за неучастие, но оставляет за собой право договориться по этому поводу с коллегами из итальянской делегации.

Выслушав мнение итальянской делегации, присоединившейся к его точке зрения, Орландо написал президенту Вильсону письмо, в котором он подтверждал мотивы своего неучастия, и не присутствовал на дневном заседании, на котором выступал Трумбич.

Затем в течение последующих дней происходили частные беседы между Орландо и Ллойд Джорджем (8 апреля) и Орландо и Вильсоном (11 апреля).

13 апреля, когда условия мира с Германией были уже почти выработаны, Ллойд Джорджем в согласии с Клемансо было предложено пригласить немцев на 23-е число.

Орландо в связи с этим заявил устно и письменно об оговорках Италии, заметив, что не следовало приглашать немцев до того, как будут разрешены итальянские вопросы.

14-го числа между Орландо и Вильсоном произошел частный разговор весьма бурного характера.

Вильсон вручил в тот день Орландо меморандум, в котором излагались его соображения по итальянскому вопросу, «которому он более чем какому-либо другому вопросу посвятил самое пристальное и пытлиное внимание», при этом он рекомендовал или настаивал на «представлении меморандума итальянскому парламенту».

Ознакомившись с документом, Орландо в тот же день заявил Вильсону, что содержащиеся в нем предложения, как полагает он и его итальянские коллеги, не представляли для нас и не могли представить собою никакой основы для переговоров и что «положение в этих условиях представляется безнадежным».

На следующий день (15 апреля) Орландо отправился переговорить с подковником Хаузом, с которым он поддерживал неизменно сердечные отношения, с Клемансо, с Бальфуром (замещавшим Ллойд Джорджа, отправившегося в Англию по парламентским делам).

Я пока не буду касаться этих бесед, большинства которых я был свидетелем, и ограничусь приведением записей из моего Дневника, начиная от 17 апреля.

Я опускаю те места из Дневника, которые относятся к другим предметам, выходящим из круга итальянских вопросов.

Как будет видно из дальнейшего, приводимая мною здесь дискуссия относится, главным образом, к содержанию Лондонского договора, к попытке Орландо осуществить наши требования независимо от этого договора, вопреки, если это возможно, идеологическому предубеждению президента Вильсона против «тайных договоров», а также к вопросу о Далмации и Фиуме.

Два обстоятельства, хотя они затрагивались лишь вскользь, представляют особенный интерес в связи с общеизвестными фактами, а также с враждебными Италии аргументацией и позицией:

1. Утверждение британского министра иностранных дел (от 21 апреля), что у Вильсона имелась копия Лондонского договора и что он, Бальфур, обсуждал его с Вильсоном в период своей миссии в Америке (апрель 1917 г.).

Это впоследствии отрицалось Вильсоном перед комиссией по иностранным делам американского сената (19 августа 1919 г.); отрицание это представляется весьма странным, так как невозможно подвергнуть сомнению слова Бальфура, воспроизведенные здесь со всей точностью, в записи от 21 апреля, и связанные с двумя аналогичными его заявлениями в палате общин 4 марта 1918 г.: «Президент Вильсон был полностью осведомлен» (относительно тайных договоров), и 16 мая 1918 г.: «Вся моя дипломатическая информация была полностью известна президенту Вильсону».

Вильсон доказывал в послании от 23 апреля 1919 г.¹, что Америка всту-

11 Альдрованди Марескотти

пила в войну, не зная об этом частном соглашении (*private understanding*), но факт существования Лондонского договора был обнародован, причем приводилась часть его содержания в международной прессе еще до вступления Италии в войну, когда возможность ее вступления в войну, в течение второй недели мая 1915 г., вызывала сомнения; подный же текст договора был опубликован позднее большевиками в России и воспроизведен газетой «Manchester Guardian».

Американское правительство, объявившее войну Австро-Венгрии 7 декабря 1917 г., не могло не знать об этом, но оно никогда не делало заявлений или оговорок по этому поводу итальянскому правительству.

Впрочем, остается несомненным факт, о котором упоминают здесь Орландо и Соннино, что, как это явствует из главы V настоящей книги, при обсуждении вопроса о перемирии с Австро-Венгрией было четко установлено в присутствии Хауза, со стороны которого не последовало ни возражений, ни оговорок, что территориальная линия по этому перемирию должна «соответствовать линии, предусмотренной Лондонским договором».

2. Заявление Ллойд Джорджа, сделанное им 19 апреля, о том, что решение о передаче города Фиуме по Лондонскому договору Хорватии «было известно сербам» и что «отдать Фиуме Италии означало бы не оправдать доверия сербов».

Каким образом и когда решение это стало известно сербам? Почему же отдать Фиуме Италии означало бы не оправдать доверия сербов?

Если оно не было сообщено сербам официальным путем и с согласия подписавших Лондонский договор сторон, это не могло изменить смысла договора *res inter alios acta* [договор между другими]² в отношении сербов и не могло создать для третьих лиц ни прав, ни обязательств.

Но это не могло быть сделано в официальном порядке, если лондонские переговоры были начаты и завершены в условиях совершеннейшей секретности одними лишь четырьмя контрагентами (Англия, Франция, Россия, Италия) со включением в число условий договора особого пункта (XVI) о том, что договор «должен сохраняться в тайне». Италия никогда не снимала со своих союзников этого обязательства; с другой стороны, ни Франция, ни Англия никогда не принимали и не заявляли о принятии на себя особых обязательств перед сербами на основе Лондонского договора.

Что касается упоминания о Фиуме в Лондонском договоре, я отсылаю читателя к главе II настоящей книги и к содержащимся в ней кратким замечаниям и ограничусь здесь указанием, что Фиуме также и по вышеизложенным причинам нисколько не был «окончательно» присужден Хорватии, как об этом писал Вильсон в своем послании от 23 апреля; упоминание о Фиуме не могло и не должно было безоговорочно связать Италию и союзников, которые всегда могли при сложившихся обстоятельствах внести изменения в эту статью, ими самими принятую.

Пусть говорят факты. В течение дискуссии, приводимой ниже, сам Ллойд Джордж признавал, что пункт о передаче Фиуме Хорватии, упоминавшийся в Лондонском договоре, мог быть переделан в пункт об образовании «свободного города» или же «свободного государства Фиуме», как это было предложено и Францией (предложение Тардье, см. главу VII). Более того, Ллойд Джордж прямо заявил на совещании 24 апреля, что ввиду сложившихся

обстоятельств он считает себя «свободным взять на себя ответственность за внесение изменений в Лондонский договор в вопросе о Фиуме».

Но если все это, быть может, заключающее в себе, на первый взгляд и противоречивые элементы, возникшие благодаря различным выводам и толкованиям, может уже в настоящее время послужить для внимательного читателя предметом обсуждения, то впоследствии оно может явиться также источником дальнейшей разработки в более обширном и более систематическом труде.

* * *

Добавлю еще несколько частных, которые помогут отчетливо представить себе атмосферу переговоров за эти дни.

На заседании 19 апреля, в то время как Ллойд Джордж открыто признавал, что соблюдение Лондонского договора является бесспорным обязательством для союзников, и заверял, что Англия сдержит свое слово, Клемансо, выражая свое согласие кивком головы, в то же время воздевал руки к небу, как бы в знак покорности и мольбы.

Такая позиция вытекала, быть может, еще из того факта, что Ллойд Джордж находился в составе правительства в период обсуждения и подписания Лондонского договора, а Клемансо в состав правительства в ту пору не входил. Это, быть может, верно и в отношении Бальфура, который, как это явствует и из других документов, отнесся весьма равнодушно к содержанию договора; это, быть может, верно также в отношении Соннино и Орlando, из коих первый являлся одним из авторов Лондонского договора, а второй таковым не был и разделял точку зрения Римского пакта.

Вильсон мрачнел при упоминании о Лондонском договоре, доходя временами до того, что одна сторона его лица начинала при этом судорожно подергиваться.

С другой стороны, мне кажется знаменательной малоизвестная подробность, отмеченная на страницах настоящей книги, а именно уступка Вильсоном Италии острова Лисса. Столь сухой и холодный по отношению к нам Вильсон (вспоминается его рассеянный взгляд, в то время когда Орlando показывал ему в преподнесенном ему альбоме великолепные памятники итальянского и венецианского искусства в далматских городах), казалось, понял, произнося название этого острова, идейное значение его для нас, что, видимо, не было известно итальянцам, которые вели последующие переговоры, и игнорировалось ими.

Еще одно, последнее замечание.

Я привел некоторые частности, которые, быть может, можно было опустить, но я намеренно так поступил, с тем чтобы дать представление о степени лихорадочного напряжения, охватившего итальянских делегатов в дни, которым всеми придавалось «трагическое» значение.

Известно, что обсуждение итальянских вопросов, о которых здесь я веду речь, происходило незадолго до страстной недели; эта апрельская неделя 1919 г. показалась многим поистине «страстной неделей» Италии.

С другой стороны, одна американка, находившаяся в самых искренних и близких отношениях с семьей Вильсона, с которой она проживала в Париже,

опубликовала 24 апреля следующие слова: «Сегодня в доме президента царила такая же напряженная атмосфера, как в Вашингтоне накануне объявления нами войны».

Но «трагедия» и «лихорадка» имели место не только в Париже.

Хорошо известны теоретические и практические разногласия по адриатическому вопросу среди итальянских политических деятелей, входивших в состав правительства, и тех из них, которые членами правительства не являлись. К этому относятся слова Соннино, заканчивающие настоящую главу.

Кроме того, Италия была потрясена постоянными забастовками, волнениями, конфликтами революционного и разлагающего характера, побудившими Орlando произнести проникнутые страстью слова, которые приводятся ниже.

Ночью 15 апреля в Париж были доставлены первые сведения о миланских событиях³, которые были истолкованы как «мятеж». Но у себя в Дневнике я нахожу запись: «На демонстрации взяли верх патриотические силы». Это — результат отпора, данного фашистскими ударными отрядами, которые незадолго перед тем создал Муссолини.

Еще три года борьбы и крови положат начало новому возрождению Италии.

* * *

Париж, отель «Эдуард VII», четверг, 17 апреля 1919 г.

Орlando послал сегодня президенту Вильсону письмо, в котором напоминал о срочной необходимости скорейшего разрешения итальянских вопросов и просил его принять во внимание, что он вынужден выдвинуть предложение о том, чтобы утреннее субботнее заседание было посвящено окончательным решениям, которые должны быть вынесены по этим вопросам.

В заключение Орlando выражал желание, чтобы на совещании присутствовал также министр иностранных дел Соннино.

Пятница, 18 апреля 1919 г.

Судя по сообщению Орlando, на сегодняшнем утреннем совещании Четырех, на котором, как обычно, секретари не присутствовали, Вильсон ничего не сказал вошедшему Орlando о посланном им вчера письме.

Ллойд Джордж казался весьма удовлетворенным своими парламентскими успехами в Лондоне.

Были обсуждены различные вопросы: согласование и окончательная формулировка мирного договора (с Германией), вопрос о Львове, Данцигский статут. Клемансо сообщил, что сербы желали бы ознакомиться с текстом договора с Германией. Единогласно было признано, что они не имели на это больше прав, чем другие.

Затем речь зашла о Киао-Чао⁴ и репарациях, в том числе о внесении репарационных платежей и Австро-Венгрии. Ллойд Джордж

заметил, что вопрос следует рассмотреть с точки зрения технической и с точки зрения политической. «Некоторые страны, как например Сербия, удваивают свою территорию и, не платя репараций, освобождаются также от австрийского государственного долга. В подобном же положении находится Румыния».

Вильсон высказывался в том же смысле; Клемансо не принимал участия в обмене мнениями; Ллойд Джордж пожелал узнать мнение Орlando, который ответил, что это сильно затрагивает интересы Италии, но ввиду того, что итальянские вопросы остаются еще не разрешенными, он не собирается пока принимать участия в прениях.

Однако ввиду настояний Ллойда Джорджа Орlando заметил, что, по его мнению, проблема должна быть разрешена в положительном смысле, а именно бывшие австро-венгерские территории должны принимать участие в платежах, если только не будет установлена сравнительная платежеспособность и соответственное разграничение различных территорий. Это должны сделать эксперты.

Эта точка зрения была признана правильной Ллойд Джорджем и Вильсоном.

Затем говорилось о дальнейшей судьбе подводных кабелей бывших противников.

После этого коллеги поднялись, собираясь уходить.

Орlando спросил в это время, состоится ли заседание сегодня днем. Последовал отрицательный ответ. Орlando вначале заявил, что ему хотелось бы задать кое-какие вопросы. Вильсон, направляясь к нему, сказал, что он согласен с его предложением, о котором говорилось во вчерашнем письме, и что, если Ллойд Джордж и Клемансо выразят свое согласие, итальянские вопросы будут рассмотрены завтра утром.

Орlando подтвердил сказанное им во вчерашнем письме, а именно, что вместе с ним на совещание придет Соннино. Это, рассказывает Орlando, произвело впечатление.

Никто не возражал.

Ллойд Джордж упомянул затем о парламентской ситуации в Италии и выразил надежду, что Орlando удастся благополучно разрешить положение, подобно тому, как это было с ним самим недавно в Англии.

Орlando ответил: «Положения различны, так как в Италии раздражение наблюдается не только в парламенте, но одновременно и в стране и направлено оно не против меня, а против того, что происходит на конференции».

Ллойд Джордж спросил: «Как же вы рассчитываете поступить?»

Орlando ответил: «Останусь со своей страной».

На заседании Ллойд Джордж имел улыбающийся и приветливый вид; Клемансо был хмур, молчалив и раздраженно отвечал на вопросы.

Косвенная информация: чехо-словаки, полагая, что Фиуме будет передан Италии, выражают желание начать с нами переговоры о заключении торговых договоров.

Указания Кэ д'Орсе прессе: Италия получит Фиуме в обмен на Далмацию.

Суббота, 19 апреля.

Заседание в доме Вильсона в 11 часов. Присутствуют Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, Орландо, Соннино, переводчик Манту, Хэнки и я. Вильсон лично пригласил меня быть на заседании «ввиду серьезного значения совещания».

Вильсон.—Совещание мог бы открыть г. Орландо.

Орландо.—Должен ли я выступить с общей декларацией по итальянским вопросам?

Вильсон.—Да.

Орландо.—Я рассматриваю итальянский вопрос под углом зрения тех же принципов, которые легли в основу других требований. Так как одна из представленных здесь держав, а именно Соединенные Штаты, не принимала участия в Лондонском договоре, как Франция и Англия, я рассматриваю итальянские вопросы независимо от всяких обязательств по договору. Три итальянских требования вполне определены и аналогичны тем решениям, которые были вынесены в отношении других держав. Я хочу провести параллель между итальянскими требованиями, основанными на вышеуказанных принципах, и применением этих принципов:

1. Италия требует прежде всего присоединения территорий, находящихся по эту сторону всей естественной границы Италии.

Италия является страной, четко очерченной самой природой; в Европе мало найдется таких стран, за исключением разве Испании и Скандинавии. Море окружает ее с трех сторон; на севере ее отделяют от остальной Европы самые высокие горы нашего континента. Поэтому мы и хотим получить ту пограничную линию, которая представляет собой нашу естественную границу. Иначе говоря, мы требуем передачи нам альпийского водораздела. По эту сторону упомянутой линии живут народности, не являющиеся итальянскими. Не отрицаю этого. Я не буду поднимать вопрос о числе инородцев, остающихся на итальянской стороне. Все говорившие об этом на конференции заявляли, что австрийские статистические данные заведомо неверны; южные славяне, быть может, наиболее резко высказывались по этому поводу. Мы могли бы доказать на основании совершенно неоспоримых документов, что эти австрийские данные были фальсифицированы в ущерб Италии. Но об этом не стоит говорить сейчас. Дело не в том, чтобы установить, имеется ли там несколькими сотнями тысяч инородцев больше или меньше. Во всех случаях, когда мы сталкивались с необходимостью создавать какое-либо государство, мы убеждались,

что факт сожителства нескольких народностей не являлся основанием для проведения зигзагообразной границы при организации государств, подобных по своему составу леопардовой шкуре, основанием для непризнания за какой-либо нацией ее естественных границ. В настоящее время речь идет не о применении этих прецедентов к Италии. Я сейчас не привожу аналитических доказательств, следует привести синтетические доказательства. Истрия не может быть разделена: она представляет собой однородное и органически неразрывное целое. Если к Истрии будет применен выдвинутый здесь принцип разделения, ее оборона станет невозможной. Триест оказался бы под угрозой обстрела неприятельской артиллерией. Истрия представляет собой единое целое, как это видно с первого взгляда на географическую карту. Даже в случае применения к Истрии и ко всем нашим притязаниям вышеуказанного принципа естественной границы, включающей иностранцев, численность полученных таким образом Италией народов неитальянской национальности будет значительно уступать количеству инородного населения, передаваемому всем другим странам. В Польшу с ее 25-миллионным населением войдет от 1800 тысяч до 2 миллионов немцев. В Италию, если она получит все ею требуемое, окажется около 600 тысяч иностранцев на 40 миллионов человек ее населения. Румыния получит огромное количество венгров; о Сербии не приходится говорить. Чехи присоединят к себе от 2 до 3 миллионов иностранцев—венгров и немцев—при основном народонаселении в 10 миллионов человек. Италия считает себя, таким образом, вправе требовать предоставления ей границы, данной ей самой природой. Если бы между Францией и Рейном проживало только 400 или 500 тысяч немцев, это не могло бы послужить достаточным основанием, могущим помешать конференции дать Франции великую реку в качестве границы.

2. Второй пункт относится к Фиуме. Мы могли бы думать, что вопрос о Фиуме разрешается тем, что мы называем естественной границей. Римляне называли гору Монте-Невозо «италийской границей», и граница эта включала в себя Фиуме. По фиумскому вопросу мы апеллируем к принципу самоопределения народов. Исторический факт заключается в том, что независимо от какого бы то ни было итальянского выступления вопрос о Фиуме возник до заключения перемирия. Единогласно избранный депутат от Фиуме заявлял в венгерском парламенте 18 октября 1918 г., что автономный город Фиуме, ввиду внутреннего разложения Австро-Венгрии, требует присоединения его к Италии. Что касается Фиуме, вопрос был поднят не Италией, а самим Фиуме, Италия обязана поддерживать это требование, которое находится в соответствии с принципом самоопределения народов. Можно возразить, что принцип самоопределения народов не может быть применен к таким небольшим единицам, как Фиуме. Это можно было бы сказать с известным правом в том случае, если бы Фиуме являлся

отдельной, изолированной единицей, находящейся вне естественной границы; но если принять во внимание, что Фиуме уже в течение многих веков имеет свою собственную историю и свободу, следует признать, что Фиуме составляет особое и значительное исключение и ему, наподобие Сан-Марино, традиция предоставила право на самоопределение. Но помимо этого имеется экономический вопрос, а также данцигский прецедент. Мы не согласились с требованием присоединить Данциг к Польше; так мы поступили ввиду того, что немцы в Данциге являются преобладающим элементом. В отношении Данцига мы не отдали предпочтение экономическому принципу перед национальным. Если будет установлено, что Фиуме должен быть обращен в вольный город, подобно Данцигу, в Италии могли бы сказать, что с немцами обращаются более дружелюбно, чем с итальянцами. Что касается Данцига, были еще более серьезные обстоятельства. Польша не имела никакого иного выхода к морю, в то время как у Югославии их немало. В самом деле, настоящим портом Югославии является не Фиуме, и не может являться Фиуме. У Югославии имеется по крайней мере шесть или семь других портов и сотни километров побережья. В то время как имелись особые основания для передачи Данцига Польше, для уступки Фиуме Югославии оснований этих не существует. Данциг может служить только Польше, в то время как Фиуме является для Югославии лишь подсобным портом. Приходящийся на долю Хорватии оборот порта Фиуме равен 7%. Я читал в газетах, что Трумбич уверял, будто оборот этот равен 50%. Хотя я уверен в моей правоте, но запросил дополнительную справку от торговой палаты в Фиуме. Мне ответили, что оборот этот равен 7%. Но независимо от этих цифр, будь то 7, или 8, или даже 15%, основной факт заключается в том, что Фиуме обслуживает, главным образом, не Югославию, а Венгрию, Галицию и Чехию. Если, несмотря на это, Фиуме не отдадут Италии, в Италии, повторяю, могут сказать, что с врагом обошлись лучше, чем с другом. Я хочу привести небольшое доказательство этой исторической независимости города Фиуме. На гербе Австро-Венгрии, где различные секции представляли владения Габсбургов, герб Фиуме был изображен отдельно. Это доказывает, что в таком феодальном государстве, как Австрия, в котором геральдическим отличиям придавалось значение, Фиуме рассматривался как отдельная величина, как государство в государстве.

3. Третий пункт относится к Далмации.

Соннино.—А острова?

Орlando.—Когда я говорю об этих территориях, тем самым я говорю об островах; так, говоря об Истрии, я имею также в виду острова Керсо и Луссин⁶, имеющие вполне итальянский характер. Что касается Далмации, то здесь главным аргументом являются соображения стратегического характера. Не надо быть моряком, чтобы знать, что итальянское побережье открыто для нападений

с противоположного берега. Положение таково, что, если представить державе, владеющей другим берегом, простые полицейские средства, даже при условии сведения их к минимуму, у нее всегда будет возможность бомбардировать итальянские города и уводить невредимыми свои силы в надежные гавани. Географическая карта может показать, насколько это легко сделать. Нынешняя война доказала это. Державы Согласия обладали абсолютным превосходством сил в Адриатике. Несмотря на подавляющее превосходство итальянского флота, усиленного французскими и английскими единицами, наши города подвергались риску неприятельских бомбардировок, без возможности оказания какого-либо сопротивления. Дело очевидно само по себе. Италия никогда не будет уверена в своей безопасности, если она не будет обладать оборонительной базой на другом побережье.

Но в отношении Далмации дело не ограничивается одними стратегическими соображениями. У нас имеются национальные и исторические мотивы, которые не могут не оказать решающего влияния на постановления, касающиеся Далмации. Бывают моменты, когда не следует восставать против исторических аргументов. С самого начала своей истории до Кампо-Формио⁶ Далмация была объединена с Италией вначале как часть Римской империи, впоследствии—как часть Венеции. Это является следствием естественного факта, так как горы отделяют ее от территории, лежащей к востоку. Поэтому культура Далмации неизбежно тяготела к Италии. Далмация до самого последнего времени была итальянской. До 1881 г. большинство далматинской диэты (парламента) было итальянским. Пусть не говорят, что мы обращаемся к прошедшим векам для обоснования нашего исторического права. В одном австрийском документе 1887 г., найденном в Заре, копию которого я передал президенту Вильсону, содержатся следующие статистические данные относительно официального языка (*Dienstsprache*) 84 далматских общин: 59 общин пользовались исключительно итальянским языком, 25—двумя языками. Из названного австрийского источника следует, таким образом, что более чем половина далматских общин в 1887 г. пользовалась итальянским языком. Даже сегодня в Заре, Трау и Спалато большинство, быть может, составляют итальянцы. Речь идет о цветущей итальянской культуре. Возможно ли, чтобы Италия после всех понесенных ею в войне жертв явилась свидетельницей того, как эта итальянская культура обречается на гибель? То, чего Италия требовала в порядке соглашения, заключалось лишь в небольшой части Далмации, с оставлением Сербии городов Каттаро, Спалато, Рагузы. Мы считаем, что, настаивая на этом, мы не выходим из границ умеренности.

Вильсон.—Как было условлено с г. Орландо, я говорил об итальянских островах с ним и в отдельности с его коллегами и сказал всем одно и то же. Теперь я вынужден настаивать на той же

точке зрения. Я говорил от имени присоединившихся держав, когда начались эти мирные переговоры. Были сделаны особые заявления относительно принципов, на которых должен базироваться мир с Германией. Но разве возможно заключить мир с Германией на иных принципах, чем с Австрией, Болгарией или Турцией? Необходимо всюду поступать одинаковым образом; мы должны стремиться найти одинаковую базу. Весь вопрос сводится к следующему: мы сейчас пытаемся положить основание миру, невиданному в веках. Мы должны установить совершенно новую базу международных отношений. Никогда не ставился вопрос такого огромного значения. Никогда ни одному государственному деятелю не приходилось уделять больше забот переговорам или приступать к заключению соглашений подобного рода. Существуют аргументы, которые должны быть оставлены в стороне; к ним относятся соображения стратегического и экономического порядка. Природа в некоторых случаях предоставила естественные границы, как г. Орlando указывал, ссылаясь на Испанию и Скандинавию; горами разделяются не только воды, но и нации. У меня не имеется возражений по вопросу о границах Италии, как они были указаны в первой части речи г. Орlando. Горные вершины легко различимы, и определяемые ими границы обнимают область, в которую входят Триест, Пола и большая часть Истрии. Я без труда присоединяюсь к точке зрения итальянских представителей, но, продвигаясь дальше к югу, я наталкиваюсь на противоположный аргумент.

Мы оказываемся перед лицом другой национальной единицы, занимающей территорию на другом склоне водораздела.

Это меня приводит к вопросу о Фиуме. Судьбы этой зоны в довоенное время были связаны с судьбами Австро-Венгрии. Зона эта управлялась людьми той же психологии, что и немцы, людьми, являвшимися оружием в руках немцев. Если бы война закончилась иначе, то и последствия были бы иные. Если бы Австро-Венгерская империя не развалилась, не возникли бы эти затруднения. Но она перестала существовать. В настоящее время знание существующей обстановки обязывает нас создать новые отношения между народами, жившими в условиях политического режима, господствовавшего в Австро-Венгерской империи. Мы должны устранить раздоры, которые в ней донныне поощрялись. Когда мы пытались отделить южных славян от Австро-Венгерской империи, мы их рассматривали как друзей. Мы не можем рассматривать их в настоящее время как врагов. Орlando говорил о Фиуме в таком смысле, будто он представляет интерес только для итальянцев или для южных славян. Фиуме несомненно важен для последних, но, какова бы ни была доля южных славян в общем обороте порта, последний является, главным образом, международным портом, обслуживающим Румынию, Венгрию и Чехо-Словакию. Сам г. Орlando напоминал, что Венгрия главные свои отношения

имела с Фиуме. Венгрия пользовалась итальянскими элементами в Фиуме для оказания противодействия окружающему славянскому населению. Поэтому она снисходительно относилась к автономии Фиуме.

Соннино.—Автономия вещь давнишняя.

Вильсон.—Знаю, но я сказал «снисходительно относилась». Я хочу сделать несколько замечаний относительно сказанного г. Орландо о принципах, которые мы должны применить в вопросе о суверенности Данцига. Относительно Данцига было решено, что он должен быть изъят из подчинения прежней власти, между тем как в данном случае речь идет о распространении на Фиуме суверенитета, которому он не был подчинен.

Экономические и стратегические соображения противоречат принятым нами решениям. И те и другие привели бы к соединению Данцига с Польшей, мы же в целях сохранения неприкосновенности наших принципов решительно отказались от стратегической границы, установив неправильную с начала до конца линию; так, в других местах мы отказались игнорировать национальные соображения перед стратегическими. Таким образом, при рассмотрении требований бельгийцев экономические аргументы не получили преобладания—мы им отказали в зоне, которая представила бы выгоды для железнодорожной ветки, и это было сделано из соображений, касающихся немецкого населения. Я должен откровенно заявить, что подчинить Фиуме итальянскому правительству означало бы принять решение, абсолютно противоречащее новому принципу, на котором мы хотим основать международный порядок. Как мы должны поступить? Главным образом, следует иметь в виду, что Фиуме служит торговле Чехо-Словакии, Венгрии и Румынии так же, как торговле Югославии, поэтому необходимо установить свободное пользование им, как международным портом. Неоспоримо, что население Фиуме образует собою лишь остров, не будучи соединено с Италией смежным итальянским населением. Передача Фиуме Италии явилась бы произвольным актом, настолько противоречащим принципам, которых мы придерживаемся, что я, со своей стороны, не мог бы принять в этом участия.

Относительно Далмации я должен отметить, что соображения, которыми барон Соннино обосновал свою мотивировку, когда я прибыл в Париж, являются соображениями стратегическими. И в этом случае принимаем мы новый принцип или же не принимаем его? При новом порядке вещей мы должны объединить наши усилия в целях обеспечения территориальной целостности и экономической независимости. Я не могу представить себе югославский флот, который в условиях режима Лиги наций мог бы угрожать Италии.

Единственный риск заключался бы в союзе, заключенном Югославией с какой-либо другой державой в целях нападения на Италию.

По этому поводу я замечу, что вмешательство и контроль великих держав на Балканах должны исчезнуть. Балканы до настоящего времени являлись лишь ставкой в европейской игре. Константинополь являлся значительным центром интриг, замыслившихся великими державами и представлявших постоянную серьезную опасность. Сами Балканы не были независимы. Великие державы, и особенно Берлин, решали то, что там должно было происходить. Поэтому я высказываюсь против предоставления какой бы то ни было европейской державе точки опоры на Балканах. Если бы мы это допустили, это привело бы к роковым последствиям. Мы должны устранить там всякую возможность вмешательства великих держав. Стратегические мотивы представляют большую опасность. Трактаты 1815 и 1871 гг. были заключены военными; они были ответственны за аннексию Эльзаса и Лотарингии; именно военные вызывали одно бедствие за другим. Если бы Италия получила владения в восточной части Адриатики, это нанесло бы ущерб всеобщему миру. Мы сейчас заняты организацией великой международной ассоциации, частью которой является Италия, более того—одной из руководящих частей. Если ей требуется также стратегическое преимущество—это другое дело. Таким образом возникли бы два порядка—старый и новый. В правой руке она держала бы новый принцип, в левой же—старый. Американский народ не потерпел бы этого. В Америке питают отвращение к старому порядку вещей. Но не только в Америке—весь мир устал от него. В Америке не поддерживали бы правительство, являющееся сторонником такого порядка. Мы говорим в этом зале, как будто мы являемся господами Европы, а поступаем, как дети. Если новый порядок не будет правильно понят, мир ожидает трагическая судьба, поэтому я даю настойчивый совет моим итальянским коллегам в этом направлении. Я стремлюсь быть их другом, понимающим другом. Я не оказал бы пользы Италии, если бы присоединился к их желанию. Предоставляю истории судить о том, хорошо ли я ей послужил или же ей лучше служат они, настаивая на требованиях, касающихся Фиуме и Далмации. Я отделен от Европы большим расстоянием. Я родился за три тысячи миль отсюда и прожил там большую часть своей жизни. Было время, когда я нисколько не заботился (a snap of the fingers) о том, что происходило в Европе. Теперь, однако, перед Америкой была поставлена задача помочь Европе в создании нового порядка, и я должен довести эту задачу до конца. Я могу убедить американский народ отдать все свои ресурсы для достижения этой цели, иначе мне это не удастся. Я напомуно моим итальянским коллегам, что, если мне не удастся добиться этой цели, от американского народа нечего больше ожидать. Вопрос о Фиуме возник в последнее время. Фиуме представляет лишь остров, населенный итальянцами. Если судить о Фиуме на основании принципа самоопределения народов, это должно было бы иметь место и во

многих других частях света. Чехии и Польше мы предназначили исторические границы; Фиуме не входит в исторические границы Италии.

Я чувствую торжественность момента и должен говорить со всей серьезностью; я приступил к обсуждению этого предмета в самом дружественном духе; решения, к которым я пришел, являются решениями человека, желающего послужить итальянским интересам, а не бороться с ними.

Соннино.—Я коснусь той части речи президента, в которой он указывал, что мною выдвигались стратегические соображения в пользу передачи Далмации Италии. Президент говорит, что он не мог бы принять этих соображений в вопросе об установлении нового порядка. Я должен сказать, что мы никогда не добивались стратегических выгод для каких-либо наступательных действий; мы требовали лишь предоставления нам условий, необходимых для обороны и безопасности. Мы не питаем никаких агрессивных намерений по отношению к кому бы то ни было, а лишь стремимся покончить с таким безысходным положением, когда Италия оставалась открытой для любой агрессии. Даже при теоретических гарантиях Лиги наций небольшой неприятельский флот мог бы, укрывшись за островами, расположенными вдоль противоположного побережья Адриатики, бросить оттуда вызов любой Лиге наций. Это было доказано в течение нынешней войны. Если бы флот держав Согласия мог встретиться с австрийским флотом, он несомненно уничтожил бы этот последний, но он не смог сделать этого, несмотря на свое огромное численное превосходство. Если Италии не будет передано требуемое ею побережье, то тем самым охотники напасть на нас будут введены в искушение; вместе с тем это могло бы соблазнить и Италию объявить войну и покончить раз навсегда с этим опасным и являющимся источником слабости положением. Поскольку Лига наций сможет создать положение, аналогичное внутреннему положению цивилизованного государства, в котором суды и полиция оказывают содействие в деле защиты гражданина, вы, разумеется, должны предоставить этому гражданину также возможность запереть на замок дверь своего дома. Таково наше положение, и поэтому мы не в состоянии обойтись без того, чего мы требуем.

Что касается Балкан, то мы твердо решили держаться вне круга балканских вопросов. Далмация, в особенности северная ее часть, находится совершенно вне Балкан. Все ее экономические и культурные отношения тяготеют к итальянской части Адриатики. Этим объясняется то обстоятельство, что итальянское население сумело постоять за себя, несмотря на то, что правительство было ему совершенно враждебно. Этим объясняется тот факт, что Зара, Себенико, Спалато смогли отстоять свое существование. До 1859⁷ и 1866 гг.⁸ итальянское население в Австрии было настолько многочисленно, что центральному правительству из-за парламентских

соображений было выгодно внимательно к нему относиться. После потери Ломбардии и Венецианской области итальянское население подверглось преследованиям, ибо, уменьшившись в числе, оно утерало свое значение как силы, могущей противостоять натиску славян. Несмотря на эти неблагоприятные условия, наш народ нашел в себе силу к сопротивлению благодаря неразрывной связи этих областей с итальянцами, живущими на другом берегу.

После стоившей огромных жертв войны, в которой Италия потеряла 500 тысяч убитыми и 900 тысяч человек ранеными, невозможно представить себе возврат к положению худшему, чем прежде, потому что сама Австро-Венгрия, чтобы помешать вступлению Италии в войну, уступала нам некоторые острова Далматинского побережья. Вы же не хотите дать нам даже этого. Для итальянского народа это было бы необъяснимо. Италии было бы непонятно, зачем она принимала участие в войне. Это было бы преступлением против итальянского народа. Я испытал бы угрызения совести, если бы, идя в политике навстречу союзникам, причинил ущерб своей стране, которой я готов отдать свою жизнь.

Вы говорите о Лиге наций, но она не в состоянии все уладить. Я бы хотел видеть, каким образом Лига наций сможет оказать пользу и установить порядок в России. Разве можем мы доверять Лиге, раз она не выказала себя способной на эффективные действия? Это требует времени, и для этого недостаточно издать декрет или заключить договор; надо изменить весь образ мышления и чувствования народов. Принять предлагаемые вами условия улаживания наших дел было бы преступлением. Ответственность, которую мы взяли бы на себя, была бы огромной. Италия была призвана взять на себя большую ответственность для обеспечения положения других и ничего не получила для себя.

Вильсон.—Вы также получили эти гарантии.

Соннино.—Мы не гарантированы, как я вам объяснил. С другой стороны Адриатики мы граничим с балканскими народами, легко возбудимыми, склонными к интригам, ловкими и привычными к фальсификации документов и т. д.

Кроме того, в распоряжении и под прямым контролем Лиги наций не имеется никаких сил*.

* Мне говорили, что Уинстон Черчилль, входивший в состав британской делегации, в следующих выражениях высказывался в те дни об эффективности «ковенанта»:

«Лига наций? Вот как она поступит. Между двумя странами возникают серьезные противоречия, которые грозят привести к войне. Совет Лиги наций экстренно собирается и после продолжительных дебатов решает послать обеим странам увещательную телеграмму, приглашая их принять меры к устранению всякой опасности вооруженного столкновения. Обе страны продолжают угрожать друг другу. Война неизбежна. Совет вновь экстренно собирается и после продолжительного совещания решает... послать правительствам обеих стран новую телеграмму, в которой, ссылаясь на первую, предлагает немедленно разоружиться. Страны не обращают на это вни-

Вильсон.—Вы говорите о том времени, когда Балканы находились в других условиях и великие державы пользовались ими для своих целей.

Соннино.—Вы не знаете, чем будут Балканы через 5—10 лет. Я полагаю, что я выполняю целиком и полностью мой долг. Вы, может быть, пожелали бы доказать, что я, наоборот, принес ущерб своей стране.

Ллойд Джордж.—Следует ли продолжать дискуссию? Как я, так и г. Клемансо должны изложить точку зрения тех, которые связаны договором.

Клемансо.—Я предпочитаю продолжать дискуссию, если вы будете кратки так же, как рассчитываю быть я.

Речь, которая должна быть произнесена Ллойд Джорджем и мною, была произнесена президентом Вильсоном. Мы пытаемся совершить рискованное, но благородное предприятие. Мы пытаемся оторвать Европу и мир от старого порядка, который приводил к прежним конфликтам и, наконец, к нынешней войне, которая была самой большой и ужасной из всех войн. Но невозможно сразу изменить всю мировую политику. Это приложимо как к Франции, так и к Италии. Я хочу напомнить, что, когда Италия находилась в другой орбите, я всегда оставался другом Италии. Я был бы готов пойти на уступки в пользу наших союзников. Это—народ, вполне заслуживший признание человечества и культуры; я должен вспомнить об этом в эту трагическую минуту ради них и в связи с возможными последствиями. Президент Вильсон привел весьма сильные доводы. У Франции и Англии связаны руки. Мы связаны обязательствами по договору. В Лондоне было заключено соглашение. Я не входил в состав заключившего это соглашение правительства, но на этом соглашении имеется подпись Франции. По этому договору Далмация передается Италии. Этот факт не может быть предан забвению. Однако в этом же самом договоре Фиуме предназначен Хорватии. В тот момент Италия не претендовала на Фиуме. Она отдавала его хорватам. Г-н Бардзилай выдвинул тот аргумент, что с тех пор Австрия перестала существовать и что обстоятельство это меняет положение. Это верно. Однако Италия подписала документ, в силу которого Фиуме передается Хорватии. Я удивлен, что Италия претендует кроме Далмации, которую мы ей отдали, также на получение Фиуме, который был ею уступлен Хорватии. В этих условиях договор не существует. Подписи не принимаются во внимание. Невозможно, чтобы Италия требовала выполнения одного из пунктов договора и отрицала другой.

мания. Начинаются военные действия. Война свирепствует. Совет Лиги наций вновь спешно собирается и после долгих прений решает послать правительствам этих стран третью телеграмму: «Ссылаясь на первую и вторую телеграммы, уведомляю вас, что, если вы не прекратите немедленно войну, я заявляю вам, что... не пошлю вам больше ни одной телеграммы!»

Было бы прискорбно, если бы итальянцы искали в этом повода, чтобы порвать с союзниками. Я полагаю, что наши друзья союзники совершили бы ошибочный шаг, и не думаю, чтобы они этим могли послужить своему делу и делу цивилизации. Надеюсь, что мои итальянские друзья не будут слишком рассчитывать на первые проявления энтузиазма, которыми на первых порах будет сопровождаться их поступок. Позднее обнаружатся неизбежные последствия. Нам, французам, приходилось, как я неоднократно говорил, жаловаться на то, как итальянцы обращаются с нами в Адриатике*. Но времена эти прошли. В настоящее время необходимо преодолеть другой критический период. Я не могу говорить без чувства большого волнения при мысли, что народы, которые годами вместе боролись, должны расстаться. Мы будем много страдать, если нас покинут, но Италия будет страдать больше.

Орландо.—Без сомнения.

Клемансо.—Если итальянские полномочные представители уедут, я высказываю пожелание, чтобы правильная оценка положения привела их обратно к нам. Я надеюсь, что они сделают последние усилия к достижению соглашения. Мое сердце всегда было с Италией, с ее великой, благородной историей. Я признаю великие услуги, оказанные ею цивилизации, но существует долг, голос которого сильнее этого. Мы не можем отказаться от принципов, на которых зиждется цивилизация. Италия услышала наше слово, но если я держу свое слово, я требую, чтобы те, с которыми я иду, также оставались верны своему.

* Как он сам заявляет, это был не единственный случай, когда Клемансо выразился в таком смысле. Однажды он с еще большей силой заявил, что «французскому знамени было нанесено оскорбление итальянцами в Адриатике».

Сотрудничество союзников в Адриатике дало повод для совершения актов героизма и самопожертвования участниками его. То и другое было в большей мере проявлено с итальянской стороны, если принять во внимание преобладание наших интересов и сил в Адриатике. Но признание роли Италии было или казалось недостаточно справедливым и запоздалым. Я имею в виду то, что произошло в связи со спасением сербской армии, когда вначале царь, забывая Италию, казалось, приписал в одной из своих телеграмм заслугу французскому флоту, между тем как заслуга эта несомненным образом принадлежит в гораздо большей мере итальянскому флоту. После поражения, нанесенного Австро-Венгрии Италией, вначале казалось, что австро-венгерский флот был отнят у нас путем коварства или хитрости.

Все это породило различные инциденты, казавшиеся более серьезными, чем они были в действительности, так как зависть или затаенная обида придавали им больше остроты. Так было, например, тотчас же после заключения перемирия с Австрией, когда французские военные суда хотели войти в Адриатическое море, включенное в компетенцию нашего командования, и посетить порты, предназначенные Италии по Лондонскому договору. Другой инцидент имел место в Корфу, где французское командование жаловалось, что стоявшая там в момент празднования перемирия с Германией итальянская эскадра не приняла в торжественной форме участия в этой церемонии. Инцидент этот был изложен в противоречивых версиях во французских и итальянских официальных сообщениях.

Франция не может согласиться с одной из статей договора и отвергать другую.

Орlando.—Я должен сделать заявление по поводу требований Италии. Я в начале сегодняшнего заседания заявил, что намерен при обсуждении вопросов придерживаться принципов президента Вильсона, предполагая, что Лондонский договор не будет обсуждаться. Я говорю: «предполагая». Очевидно, что в тот день, когда я потребовал бы точного выполнения Лондонского договора, я не смог бы требовать Фиуме на основании этого договора.

Относительно остального я с глубокой тревогой в сердце нахожусь в себе силы протестовать против предположения, что на наше поведение могло бы оказать какое-либо влияние желание добиться популярности и вызвать проявления энтузиазма. Энтузиазм, который вспыхнет в Италии, будет иметь другие побудительные причины.

Я полностью отдаю себе отчет в трагической торжественности переживаемой минуты. Для Италии существуют два способа умереть: или ограничить свои требования по договору, или расстаться с друзьями и занять изолированное положение в мире. Я бы предпочел умереть с честью. Генрих III, увидев труп герцога Гиза, которого он велел умертвить, воскликнул: «Я не думал, что он такой большой». Италия, став трупом, была бы все еще так велика, что я бы желал, чтобы разложение его не отравило друзей и весь мир.

Ллойд Джордж.—Скажу несколько слов. У меня нет никаких новых аргументов, но положение настолько серьезно, что я хочу выразить точку зрения Англии, которая также является одной из держав, подписавших Лондонский договор.

Английская точка зрения находится в соответствии с французской. Мы подписали договор; я нахожусь в том же положении, что и г. Клемансо. Я признаю силу доводов президента Вильсона, но замечу, что, если бы у нас возникли сомнения относительно итальянских требований, мы должны были бы их высказать до того, как Италия потеряла полмиллиона героических жизней. У меня нет оснований высказывать в настоящее время сомнения, после того как Италия приняла участие в войне. Именно поэтому я говорю Италии: Англия стоит за выполнение подписанного ею договора. Но стоит за выполнение всего договора, а в договоре Фиуме предназначен Хорватии. Это известно Сербии. Разве мы можем разорвать часть договора и сохранить другую? Что касается принципа самоопределения народов, то следует заметить, что принцип этот или вовсе не применяется, или же его следует применить ко всей территории от Триеста до Спалато. Однако не это составляет предмет предложений. Что же касается вопроса о самоопределении Фиуме, оно также вызывает сомнения, ибо если наличие итальянского большинства населения на правом берегу реки не вызывает сомнений, то положение оказывается иным, если считать также население на другом берегу.

Соннино.—И в этом случае большинство было бы итальянским.

Ллойд Джордж.—Г-н Орlando указывал на то, что Истрию не следует делить, дабы иметь возможность защищать Триест, который в противоположном случае оказался бы под угрозой артиллерийского обстрела со стороны соседей, но каким образом будет разрешена аналогичная проблема защиты Фиуме, если к Италии будет присоединен Фиуме, и только Фиуме, с оставлением Югославии территории, лежащей от него к востоку?

Итальянский аргумент, касающийся итальянской национальности населения города Фиуме, был бы действителен лишь в случае его применения к небольшому старинному городу, где итальянское население составляет большинство. Но если для разрешения выше-названной проблемы обороны Фиуме вы хотите присоединить окружающую территорию, подавляющим большинством населения присоединенной территории окажется югославское население. Население всей долины составляет около 100 тысяч человек, из которых только 25 тысяч итальянцев. Я не знаю, какой принцип мог бы послужить основанием для передачи Фиуме Италии. Отдать Фиуме Италии значило бы не оправдать доверия сербов, значило бы не признать договора, на основании которого Италия вступила в войну, это означало бы непризнание принципов, на которые опирается мирный договор.

Мы согласны с тем, что итальянские потери были весьма тяжелы и даже ужасны. Г-н Клемансо мог бы вызвать огромный энтузиазм во Франции, объявив границей Франции реку Рейн. Это—стратегическая граница, удовлетворяющая старинные притязания Франции. Многие мечтают о таком решении, и г. Клемансо должен был считаться с этим. Они могут указать, что Франция потеряла полтора миллиона человек для защиты принципа справедливости их притязаний. Что касается стратегических соображений, замечу, что даже английские города подвергались бомбардировке. Так же как и итальянский флот, английский флот не смог нагнать неприятеля; тем не менее немцы не сумели перевезти войска через Северное море, австрийцы равным образом не сумели транспортировать их через Адриатику. Во Франции же, за исключением Рейна, представляющего собой военное препятствие, вдоль границ с Германией тянется сухопутная полоса. Если принцип безопасности будет расширен, это вынудит нас пересмотреть все принципы, на которых покоится договор, начиная с Франции.

Вильсон.—Франция отказалась от этого принципа.

Ллойд Джордж.—Как же мы можем применить к Италии принцип, отличный от принципа, примененного нами к Франции и Польше?

Клемансо намекнул на возможность ухода Италии с конференции. Это явилось бы весьма серьезным решением, о котором я ничего не знал.